

Гурова Елена Павловна

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. И. УСПЕНСКОГО

В статье рассматривается одна из значимых, но наименее изученных тем творчества Г. И. Успенского - тема дороги и странничества. Исследователями последних лет были сделаны попытки проанализировать хронотоп дороги в художественном мире писателя, однако, прежде всего, в соотношении с жанровой спецификой произведений: как один из основных элементов жанра "путешествия", модифицированного Г. И. Успенским. В данной работе указанная тема рассматривается в соотношении с образной системой рассказов-очерков. Автором статьи впервые выделяются две основные формы реальности в художественном мире писателя - реальность дороги и реальность "сонной", "мертвой" действительности городов и деревень. В этой связи проясняется концепция образов "божьих людей" в рассказах-очерках художника как раннего периода, так и 70-80-х гг. XIX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 50-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC INTERPRETATION OF BLOK'S TRADITIONS
IN THE BOOK OF POEMS BY P. GROMOV "OUTSIDE" (2014)

Gudkova Svetlana Petrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Sharonova Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Dubrovskaya Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University
sveta_gud@mail.ru; sharon.ov@mail.ru; s.dubrovskaya@bk.ru

For the first time the article analyzes the creative work of a contemporary poet of Mordovia Petr Gromov. In the focus of the authors' attention there is a peculiarity of the poetic dialogue of P. Gromov with the creative work of A. Blok. In the paper the book of poems by P. Gromov "Outside" is considered as a metagenre formation, which allows the researchers to analyze Blok's tradition both at the content, and at the formal level, to show the directivity of the book composition at the architectonics of Blok's "trilogy of incarnation".

Key words and phrases: contemporary poetry; book of poems as a metagenre; through images and motives; lyrical character; tradition.

УДК 801.731

Филологические науки

В статье рассматривается одна из значимых, но наименее изученных тем творчества Г. И. Успенского – тема дороги и странничества. Исследователями последних лет были сделаны попытки проанализировать хронотоп дороги в художественном мире писателя, однако, прежде всего, в соотношении с жанровой спецификой произведений: как один из основных элементов жанра «путешествия», модифицированного Г. И. Успенским. В данной работе указанная тема рассматривается в соотношении с образной системой рассказов-очерков. Автором статьи впервые выделяются две основные формы реальности в художественном мире писателя – реальность дороги и реальность «сонной», «мертвой» действительности городов и деревень. В этой связи проясняется концепция образов «божьих людей» в рассказах-очерках художника как раннего периода, так и 70-80-х гг. XIX века.

Ключевые слова и фразы: «перевернутая» реальность; реальность дороги; образы «божьих людей»; мотив подмены; «нулевое» время; «страннонравие»; закон «отрицания отрицания».

Гурова Елена Павловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет
eg555a@yandex.ru

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. И. УСПЕНСКОГО[©]

Творчество Г. И. Успенского, талантливого писателя-очеркиста второй половины XIX века, привлекало многих исследователей, прежде всего, своей социально-политической проблематикой. Спустя длительный период отсутствия внимания к наследию писателя со стороны критики и литературоведения в настоящее время все чаще появляются работы, направленные на изучение поэтики, жанровых особенностей произведений Г. И. Успенского. При этом многие аспекты творчества писателя неизменно вызывают разногласия среди ученых. Это касается в первую очередь жанровой принадлежности произведений, а также авторской картины мира, специфики художественной реальности.

Одной из значимых и при этом наименее исследованных представляется нам тема дороги и странничества в художественном мире Г. И. Успенского. Следует отметить отсутствие единой точки зрения в работах, затрагивающих тему странничества в прозе писателя. Н. В. Карпов косвенно отмечает разносторонность мнений в ученой среде, резюмируя также точку зрения, сложившуюся в дореволюционной критике. По мысли исследователя, «дореволюционные критики, искажая правду, пытались представить Успенского писателем, который с симпатией рисовал странников-богомольцев. Так, Д. П. Шестаков утверждал, что Успенского все больше привлекала «Русь не сохи <...> а странничества. Пилигримом, пилигримом за верой и правдой представлялся Успенскому русский народ» [5, с. 71]. Однако, на наш взгляд, наблюдение критика Д. П. Шестакова является верным, точным, несмотря на некоторую идеализированность.

В постсоветский период творчество Глеба Успенского практически не изучалось. Среди наиболее значимых работ этого времени следует отметить диссертацию Н. А. Шипиловой «Поэтика очеркистики Г. И. Успенского (цикл "Письма с дороги")» [6]. Основное внимание исследователя направлено на изучение очеркового цикла как жанра. На данном примере диссертантом прослеживается модификация жанра «путешествий». Важно, что выделяемый диссертантом хронотоп дороги, присущий жанру «путешествий», присутствует практически во всех рассказах, очерках и очерковых циклах писателя. При этом в соотношении с хронотопом дороги закономерно выделяются ключевые мотивы, типы и образы в художественном мире Г. И. Успенского. В произведениях автором

зачастую создается атмосфера бесприютности, героям свойственны стремление к перемене мест, поиск истинного пути, поиск себя. Многочисленны герои, обладающие своего рода «страннонравием» (термин В. И. Даля [2]).

Дорога в художественном мире произведений Г. И. Успенского имеет особое значение. С нашей точки зрения, можно выделить два типа художественной реальности в рассказах-очерках писателя, важных как в композиционном, так и в смысловом отношении. В пространстве произведений довлеет «перевернутая» реальность «глухих» городков и деревень, отрезанных от мира, в котором живут «обыкновенные люди» [4, т. 2, с. 494]. Это реальность «мертвой», «сонной» действительности, из которой нет исхода, которая обречена на погибель. Ей противостоит реальность дороги, атмосфера дорожного пространства. Дорога представляет собой особый мир, кардинально отличный как от городской, так и от деревенской жизни.

Важно заметить изолированность, «замкнутость» пространства «глухих» городков, где нет жизни, где над всем довлеет атмосфера вымирания (см. «Народное гулянье в Всесвятском» [Там же, т. 1, с. 52-62], «Неизлечимый» [Там же, т. 4, с. 165-219], «Парамон юродивый» [Там же, т. 6, с. 94-121] и др.). В читательском восприятии создается впечатление очагов неживой реальности, искаженного восприятия обывателей, живущих без своих мыслей, под гнетом какой-то неизвестной угрозы. Реальность городов и деревень, обыденной жизни искажена: «сослуживцы <...> своим крайне заплесневелым видом заставили бы изумиться человека постороннего, заставили бы подумать, что здесь сборище каких-то увечных, калек, порченных. <...> царство чернил и песку. <...> Тишина мертвая» [Там же, т. 1, с. 145-146]. Нет живых персонажей, нет обычных людей: над одушевленным, живым довлеет неодушевленное, наделяясь качествами живого. Чернила и песок, мертвая тишина властвуют над изломанным сознанием людей. Не предметы служат людям, а люди – предметам.

Та же искаженность восприятия, реальности, омертвление прослеживаются в «Деревенских встречах». Пустота и бессмысленность разговоров, начатых и оборванных за неимением мыслей, но постоянно возобновляемых ради соблюдения приличий, провоцируют комизм и одновременно трагическую составляющую ситуации, представляют пародию на гостеприимство и одновременно отражение истинной сущности служителя церкви. Искаженность пространства комнаты, дома, их убранства, интерьера отражает в том числе духовную составляющую, духовную убогость героев: «...в доме лытовского дьякона на столе кипел *большой* красный, с зелеными потеками, самовар, из *альяповатой* решетки которого по временам с треском вылетали *большие* искры. Дело происходило в комнатке с почерневшими стенами, *большой* стряпущей печью и *маленькими* четырехугольными оконцами, к которым *большими* гвоздями были прибиты *тончайшие* кисейные занавески с бахромой из красных шерстинок. За образом была заткнута *большая* кленовая ветка, далеко стлавшаяся по потолку: ветка эта, по-видимому, служила непрерывным воспоминанием о дне святых троицы, но в сущности была предназначена для мух: мухи садились на нее, поэтому в комнате мух было меньше. Рамка *маленького* зеркала, калечившего человеческую физиономию до последних пределов, была сверху донизу выклеена чайными и бутылочными ярлыками, с золотыми буквами и орлами» (*курсив наш – прим. Е. П. Гуровой*) [Там же, т. 2, с. 200-201].

Нельзя не отметить прослеживающиеся в описании дома дьякона сочетания «большого» и «маленького». Этот настойчиво подчеркиваемый рассказчиком контраст в предметах интерьера провоцирует у читателя впечатление атмосферы нелепости, безвкусицы, духовной пустоты во всем. При этом немаловажно, что лишенным искры божьей, духовного богатства изображен представитель духовного сословия – дьякон – и его домочадцы. Вкупе с описанием зеркала, калечившего человеческую физиономию, убранство комнаты в миниатюре создает целостную картину искаженной реальности, искаленной человеческой сущности, нелепого существования.

В противоположность описанию замкнутого пространства комнаты, города, деревни, мир дороги наделен семантикой свободы от бездушного «порядка», довлеющего в глухих городках и заброшенных деревнях. Он являет особые характеры, оригинальные образы. Пространство дороги не изолировано, границы дорожного пространства разомкнуты, снимая на духовном уровне с путников рамки нелепых, искусственных условностей, предписанных «перевернутой» реальностью. Дорога в произведениях Г. И. Успенского концентрирует в себе истинное знание о человеке, о мире.

Значимо в этой связи, что на дороге становятся ясны истинные намерения каждого, проявляется скрытая сущность каждого из героев. В этом плане интересны многочисленные очерки и эпизоды о богомольцах, странниках («У Троицы Сергия» [Там же, т. 1, с. 91-109], «Бесприютные» [Там же, с. 266-295], отрывки из «Наблюдений одного лентяя» [Там же, т. 3, с. 238-353], «Богомолка» [Там же, т. 6, с. 166-179] и т.д.). Отношение писателя к богомольцам неоднозначно. Неоднократно в тексте выделяются как минимум три их типа: богомолка-нищенка и богомолка-чиновница, а также «новый <...> тип странника – из мещан, обуреваемый исключительно съестными целями» [Там же, т. 3, с. 314]. Последний тип в рассказах-очерках значительно преобладает.

Образ богомолки-чиновницы, с нашей точки зрения, сродни изображенному Островским образу Феклуши. По мысли писателя, это тип «книжной» богомолки – той же представительницы «глухого» городка. Ее рассказы являются не переложением реальных событий, а пересказом слухов, легенд о чудесах. Желаемое слушателями выдается «книжной» богомолкой за действительное, соответствуя характеру искаженной реальности, наполненной вымыслом, а не жизнью.

Наиболее привлекателен с исследовательской точки зрения первый из указанных типов – тип богомолки-нищенки. Именно в нем в полной мере отразилось крестьянское мировосприятие. Прослеживается свойственная образам крестьян у Г. И. Успенского стихийность, наивная, искренняя вера в чудеса и, несмотря на то, что на поверку чудес не происходит, вера не теряется. Образ нищенки-богомолки наполнен искренностью и духовной чистотой, немаловажно характерное для богомолки-нищенки самоумаление, самоуничтожение перед богомолкой-чиновницей, в чем проявляется одно из христианских качеств – смирение, отсутствие гордыни, самолюбования.

В очерки часто вкраплены дорожные пейзажи, которые представляют собой несколько объединенных в единое целое кратких статичных эпизодов, картин из «жизни» проезжей дороги с описанием облика и рода

занятий многочисленного дорожного люда. Мир, пространство дороги включает в себя множество миров путников, самостоятельных, «неслиянных». Дорога тем самым становится катализатором к переосмыслению прошлого, осознанию себя, поиску своего места. Таким образом, закономерно средоточие в дорожном мире особого знания. В «Наблюдениях одного лентяя» это ярко показано в переданных рассказчиком мыслях героя: «Всем даны были места, отведены стойла с перегородками, удобными лишь на то, чтобы вырвать у соседа из высоко поднятой морды клочок сенца <...> С этим ли народом, не чувствовавшим, что у него на плечах есть голова, с ним ли возможно было моему отцу водить компанию, дружбу? Ему ли не соскучиться с людьми, не знавшими, что такое “белый свет”, тогда как он десятками лет скитаний приучен думать о множестве всевозможных человеческих свойств и отношений? В этой упрощенной стороне отцу моему не с кем было сказать слова, ибо специалисты по “своим частям” не могли ни слова понять в его рассуждениях и сразу стали смотреть на него как на шута, на сумасшедшего...» [Там же, с. 250-251].

Таким образом, отчетливо выделяются два мира – мир «упрощенной» стороны с существованием, приближенным к животному, и атмосфера скитаний, мир дороги как средоточие духовности, богатства жизни. В сущности, дорога может быть соотнесена с образом мира, концентрируя на своем пространстве множество людских историй, бед, событий, самых разных характеров и взглядов на жизнь. Мир дороги наделен особой философией бытия, которая неотъемлема, с нашей точки зрения, от образов «божьих людей». Неслучайно в этом плане, что существование «божьих людей» непосредственно связано с дорогой. Юродивые, блаженные, странники бесприютны, непонятны окружающим, обладая иным – свободным, «живым» знанием, особым знанием жизни. Таким образом, элемент авантюрного хронотопа, выделяемого М. М. Бахтиным [1], проявляясь в художественном пространстве, накладывает свой отпечаток на семантику выделенных образов в купе с феноменом «перевернутой» реальности.

Эта закономерность отразилась в образах «чудаков», «блаженных» в художественном мире Г. И. Успенского. Дорога становится для них средоточием мечты, души и жизни по контрасту с глухой, омертвевшей, сонной действительностью городков и деревень. Так, отец главного героя в «Наблюдениях одного лентяя» тоскует о душе, его тянет странствовать. Характерно, что и внешний отпечаток он имеет, по словам рассказчика, «бродячего человека. <...> Костюм его <...> рекомендует человека без звания и дела <...> на голове иной раз появляется изорваннейшая шапка с красным околышем, неизвестно откуда попавшая в нашу сторону» [4, т. 3, с. 248-249]. Тем самым проявляется как в образе героя, так и в его мышлении чуждость окружающим, отпечаток дороги, другой стороны. То же стремление к поиску себя, души и жизни наблюдается в образах бывшего певчего Медникова в «Деревенских встречах», юродивого Парамона из одноименного рассказа-очерка и даже будочника Мыррецова – фигуры, в комическом изображении которой явственно прослеживается трагичность, изломанность обстоятельствами, искаженной реальностью. При этом значимо, что целью искаженного, изломанного существования будочника становится мечта о будущем, когда он сможет уйти к своим. «Мыррецов объясняет эти молитвы и собиранье пятачков тем, что скоро он пойдет в свою сторону <...> Он ждет, пока у него отойдет хрипота в груди, мешающая ему свободно дышать, и тогда он непременно уйдет к своим» [Там же, с. 357]. Немаловажно, что тем самым косвенно указывается на исконную принадлежность комического обездушенного Мыррецова к другому миру, живому, настоящему. Поиск жизни, возвращение к живому миру в художественном мире Г. И. Успенского неизменно связаны с дорогой как особой реальностью, ведущей к переосмыслению героями собственного существования.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на явственно прослеживающееся разграничение реальности дороги и реальности изолированного, замкнутого пространства «глухих» городов и заброшенных деревень, мир дороги, атмосфера дороги не несет исключительно положительного смыслового оттенка. Она, с нашей точки зрения, характеризуется смысловой неоднозначностью, двойственностью. В художественном мире Г. И. Успенского атмосфера, реальность дороги наполнена нелепыми по своей сути ситуациями, имеющими при этом важное определяющее значение для судьбы героя. Так, по ошибке герой «Наблюдений одного лентяя» [Там же, с. 247-250] попадает не в назначенное место, совершает не логичное в данной ситуации действие, а противоположное ему, странное; его происшествия, путешествия, перемещения от одного места в другое происходят «спьяну и сглупу», что должно было бы аннулировать значимость скитаний, их влияние на духовный опыт. Тем не менее исторически и, как представляется, в соответствии с особенностями художественной реальности рассказов-очерков писателя реальность дороги провоцирует героя на размышления о душе и жизни, развитие его способности понимать истинное положение вещей, понимать окружающих. При этом нельзя не отметить значимый в художественном мире Г. И. Успенского мотив подмены: подмена места первоначального назначения по созвучию топонимов (Дубки – Дубы), подмена истинного искусства мошенничеством (встреча с персианами, обучение «амбушуру»), подмена юродского подвига стяжательством (предложение монахом вериг за сходную цену), заочная восторженность одной из любимых профессий и ограниченность в действительности.

Тем самым, в сущности, реальность дороги предстает также «перевернутой». Как и реальность городов и деревень, она представляет собой синтетическую иллюзорную реальность, создаваемую в первую очередь воображением самих героев. Тем не менее в художественном мире писателя, как нами уже отмечалось, действует философский закон «отрицания отрицания», проявляющийся в закономерностях развития сюжета. Как наложение минуса на минус дает плюс, так и наложение иллюзорной, двойственной реальности дороги на искаженное, изломанное городской действительностью сознание героя приводит к своего рода прозрению, осознанию истинного. Однако немаловажно, что дорога не приводит к исходу, к какому-либо результату, развитию. Развитие иллюзорно в силу, прежде всего, той же «перевернутой реальности». В этой связи закономерно, что поиск души, себя, скитания остаются бесплодными; исхода нет. Выведенные закономерности

позволяют также объяснить смысловую неоднозначность образов юродивых, блаженных, странников в творчестве Г. И. Успенского, спектр значений и спектр оттенков авторского отношения к странникам. Выделяется одновременно в разных рассказах и «новый <...> тип странника – из мещан, обуреваемый исключительно съестными целями» [Там же, с. 314], и в то же время «мысль <...> останавливается на этих фигурах бесприютных странников, плетущихся бог знает куда. Из воспоминаний детства возникают с особенною любовью типы этих странниц-старушек, которые своими рассказами про дивные дива, виденные ими, доставили множество, не повторявшихся уже, прелестных минут» [Там же, т. 1, с. 94]. Этим обусловлены в том числе и разногласия в среде ученых по поводу отношения писателя к богомольцам и странникам.

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
2. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.* М.: Прогресс, Универс, 1994. Репринтное воспроизведение издания 1903-1909 гг.
3. Карпов Н. В. *Атеистические и антиклерикальные идеи в творчестве Г. И. Успенского*. Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. 88 с.
4. Успенский Г. И. *Полное собрание сочинений: в 14-ти т.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1952-1954.
5. Шестаков Д. П. *Семья и народ в произведениях Г. И. Успенского*. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1903. 44 с.
6. Шпилова Н. А. *Поэтика очеркистики Г. И. Успенского (цикл «Письма с дороги»): дисс. ... к. филол. н.* Воронеж, 2004. 136 с.

TRAVEL STORIES IN G. I. USPENSKY'S ARTISTIC WORLD

Gurova Elena Pavlovna

Perm State National Research University
eg555a@yandex.ru

The article examines one of the meaningful but practically unexplored themes of G. I. Uspensky's creative work - the theme of travel and pilgrimage. The recent studies tried to analyze the road chronotope in the writer's artistic world but, first of all, in correlation with genre specifics of the works: as one of the basic elements of a "travel genre" modified by G. I. Uspensky. The paper considers the mentioned theme in correlation with the figurative system of the stories-essays. The author for the first time identifies two basic forms of reality in the writer's artistic world – the reality of a travel and the reality of a "sleepy", "dead" existence of the cities and villages. In this connection the researcher clarifies the conception of the "God's fool" images in G. I. Uspensky's stories-essays both of the early period and of the 70-80s of the XIX century.

Key words and phrases: "inverted" reality; travel reality; "God's fool" images; motive of substitution; "zero" time; "pilgrim spirit"; law of "negation of the negation".

УДК 811.111'1

Филологические науки

Настоящая статья посвящена проблеме когнитивной категоризации полипредикативных структур, состоящих из главного предложения и -ing-формы, занимающей позицию комплемента глагольного предиката вершинного предложения. Проведенный анализ показал, что все семантические репрезентации конструкций данного типа объективируют сложное событие, реализующееся в пределах концептуального пространства когнитивной сценической модели – комплекса регулярных когнитивно-семантических параметров, которые соотносятся с конкретными позициями синтаксической структуры выделенных конструкций. В данной модели событие герундия профилируется как деятельность, которая осуществляется при обязательном контакте с человеком и репрезентируется через свойственные ему когнитивные функции: восприятие, осмысление, коммуникацию, оценку и создание определенных условий.

Ключевые слова и фразы: герундий; герундиальный комплемент; герундиальное причастие; матричный глагол; вершинная клауза; односубъектная конструкция; двусубъектная конструкция; экспериенцер; событие-стимул; событие-цель; когнитивная сценическая модель.

Джандубаева Наталья Мухамедовна

Пятигорский государственный лингвистический университет
n-dzhandubaeva@list.ru

СЦЕНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР С МАТРИЧНЫМ ГЛАГОЛОМ И ING-ФОРМОЙ[©]

В актуальных лингвистических исследованиях все большую популярность обретают подходы, позволяющие рассматривать грамматические конструкции посредством когнитивных категорий [1-4; 6; 8; 12; 13; 14].